

А.А. Королев

Советские мусульмане Поволжья (вторая половина 1940-х – 1980-е гг.)

В СССР ислам исповедовало более 50 наций, народностей и этнографических групп: туркоязычные народы (узбеки, казахи, азербайджанцы, татары, туркмены, каракалпаки, башкиры, киргизы, уйгуры, кумыки, балкары, карачаевцы и др.); ираноязычные народы (таджики, осетины, таты, курды); кавказские народности (лезгины, аварцы, лакки, табасаранцы, аджары, адыгейцы, чечены, ингуши, кабардины и др.). В современной России около 20 млн граждан исповедуют ислам; из 21 республики РФ 9 представляют собой национально-территориальные образования, коренное население которых принадлежит к мусульманам [1, с. 93]. Необходимо отметить, что «для правоверного мусульманина ислам – это и культура, и философия, и образ жизни» [2, с. 29]. Ислам – весьма эффективная мировоззренческая система, идеология наступательного типа. Национальное и религиозное в исламе преподносится как нерасторжимое целое; лейтмотивом проводится мысль, что именно мусульманская религия является хранительницей национальности народа, его духовных ценностей, традиций и обычаев.

Исторические области распространения ислама на территории СССР охватывали три основные зоны: Средняя Азия и Казахстан, Кавказ, Поволжье и Приуралье. В России основным районом проживания татар является Волго-Уральский регион [3, с. 158; 4, с. 210].

В Поволжье, которое относится к регионам традиционного влияния ислама, уровень религиозности был заметно выше среднего в СССР. Поволжские татары, за исключением небольшой этнической группы крышан (крещеных татар), являются мусульманами-суннитами.

С 1944 г. управление духовными делами мусульман СССР осуществляли четыре независимых друга от друга центра: Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана в Ташкенте, Духовное управление мусульман Закавказья в Баку, Духовное управление мусульман Северного Кавказа в Буйнакске (Махачкала), Духовное управление мусульман европейской части СССР и Сибири в Уфе. Мусульманские общины Поволжья находились в ведении Центрального духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири (Уфа).

Деликая Отечественная война способствовала оживлению религиозной жизни в СССР. Мусульманское духовенство заняло патриотическую позицию и призывало верующих к борьбе с фашизмом. В ме-

четях читались молитвы и проповеди с пожеланиями скорейшей победы Красной Армии. Как следствие, в послевоенные годы отмечалась активизация в деятельности мусульман, что было обусловлено либерализацией государственно-церковных отношений в целом в годы Великой Отечественной войны. Уполномоченные с мест подчеркивали в своих сообщениях: «В деятельности мусульманского духовенства и религиозных обществ... необходимо отметить некоторое их оживление в области расширения своего влияния на окружающее население» [5, л. 104].

Практика поволжских мусульманских общин была «направлена, главным образом, на поддержание религиозных устоев, на регулярное отправление молитвенных собраний, на выполнение всех религиозных обрядов населением... на сбор денежных средств для поддержания в порядке молитвенного здания, на большее вовлечение населения в число верующих и особенно молодежи» [6, л. 1]. И, следует подчеркнуть, мусульманские объединения в решении поставленных задач добились значительных успехов.

Основной контингент верующих-мусульман составляли мужчины и женщины пожилого и преклонного возраста от 55 лет и старше, главным образом крестьяне-колхозники, «другие слои населения (кустари-ремесленники, рабочие и интеллигенция) стоят от религиозности как бы в стороне» [7, л. 26]. Именно верующие мусульмане мужского пола преклонного возраста, сельчане, являлись главными «проводниками» веры. Верующий с Татарский Шелдаис Пензенской области 80-летний И. Уразгильдяев честно говорил: «Если мы, старики, не требовали бы от своих младших членов семьи, не настаивали бы на соблюдении религиозных обрядов, последние бы совсем не выполнялись. Многие наши молодые колхозники не знали бы времени празднования религиозных праздников, если бы мы, старики, не напоминали бы им об этом» [8, л. 103]. Результаты социологического исследования, проведенного лабораторией Казанского государственного университета и Казанским опорным пунктом Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС (Казань) в середине 1960-х гг. в Поволжье, доказывали решающее воздействие семейного воспитания на религиозность людей. На вопрос «По какой причине вы стали верующим?» 75% опрошенных мужчин и 80% женщин-мусульманок ответили, что главную роль оказало влияние родителей, родственников [9, с. 152–153].

В послевоенный период около 15–20% всех посещавших мечети составляли демобилизованные. Под возрастание количества верующих, увеличение жертвоприношений и различного рода финансовых пожертвований после войны была подведена своего рода «идеологическая база» – отдать долг Аллаху, который помогал верным последователям веры в лихую годину. Присутствие демобилизованных в мечетях значительно укрепляло авторитет веры и привлекало в храмы молодежь. Данная практика была вскоре прекращена уполномоченными на местах, поскольку все это способствовало значительному подъему религиозности татарского населения.

Женщины-татарки по религиозным убеждениям уклонялись от посещения клубов, кино, собраний, от участия в художественной самодеятельности. По мнению уполномоченного совета по Пензенской области, «феодално-байские» обычаи в отношении женщин были очень сильны: «Родители запрещали своим дочерям не только ходить в клуб, участвовать в художественной самодеятельности и выполнять общественные поручения, но даже не разрешают выходить одной вечером из дома на улицу, ходить к соседям и своим подругам. Родители разрешают только сходить вечером на девичьи деревенские посиделки, однако и в этом случае девушку от дома до посиделок и по возвращении домой обязательно сопровождают ее мать или кто-то из ее взрослых родственников» [10, л. 412]. Даже в середине 1960-х гг. в сельской местности Поволжского региона отмечались случаи, «когда замуж родители выдают свою дочь за молодого человека, которого она и в глаза не видела, и не была до этого знакома, а, следовательно, вопреки ее желанию» [11, л. 269об.]. Как правило, девушки по окончании школы выбывали из комсомола.

Наиболее распространенными религиозными обрядами у поволжских мусульман являлись отпевание – джаназа, религиозное бракосочетание – икях, наречение имени – исим, обрезание – сунет и т.д. Совершение обрядов верующими Поволжья проводилось полуправильно.

Часто в дни религиозных празднований и по пятницам верующие не выходили на работу. Так, на Курбан-байрам в 1948 г. в с. Нижняя Елюзань, Средняя Елюзань, Верхняя Елюзань, Старый Карлыган, Суляевка «прогуливали» не только колхозники, но и руководство, наряды не выдавались; в 1955 г. на Ураза-байрам в с. Решетине Пензенской области в течение трех дней Курбана-байрама рабочий день длился до 13–14 часов и т.д. [5, л. 253, 570]. Даже в 1962 г. во многих татарских селах области фактическим выходным днем признавалась пятница, часть населения по пятницам и в дни религиозных праздников не выходила на работу в колхозах и совхозах. Со второй половины 1960-х гг. в Поволжье почти прекратились случаи широкомасштабного уклонения населения

от выхода на работу по религиозным мотивам, в том числе и в дни религиозных праздников. Тем не менее в дальнейшем в дни религиозного поста уразы закрывались в некоторых селах под различными предлогами, например ремонта, столовые, пищеблоки на полевых станах, не работали клубы и библиотеки и т.д. Во время поста сокращалось количество детских завтраков, которые заказывались в школах учениками, особенно в старших классах [12, л. 19].

Особой проблемой сельского татарского населения Поволжья, в первую очередь женского, было здравоохранение. Дело в том, что многие женщины-татарки в силу религиозных предрассудков не посещали медпунктов, не обращались к врачам, считали это неприличным, предпочитая бабушек-знахарок. Крайне редко сами приходили в медпункт, в лучшем случае вызывали медицинских работников на дом. На роды домой, как правило, приглашали не акушерку, а бабку-повивалку.

Еще хуже в татарских селах складывалась ситуация с больными туберкулезом. Основная их масса не лечилась, утверждая, что это заболевание – «болезнь от бога». В связи с этим работники медицинских пунктов проводили особую разъяснительную работу среди женщин, выступали с лекциями «О женских болезнях», «О борьбе с летними детскими заболеваниями», «О трахоме и борьбе с ней» и т.д., но «все эти беседы не увязываются с антирелигиозными вопросами, не учитываются и не направляются культпросветотделом по соответствующему руслу, когда можно было бы использовать все эти беседы на борьбу с религией и религиозными предрассудками» [13, л. 320].

Семья, продолжение рода трактуются как фундаментальные ценности ислама. У мусульманина, согласно религиозным канонам, должна быть многочисленная семья, освященная религией и обычаями. В потомстве видится продолжение веры и жизни. Татарские семьи, особенно в сельской местности, в Поволжье были многодетны, иногда в них насчитывалось 8–12 и более детей. Уполномоченный совета по делам религий по Пензенской области для себя объяснял это следующим образом: «Многие татарские семьи многодетны только потому, что в этих семьях женщине-татарке по национальным и религиозным обычаям фактически препятствуют использовать данное ей законом право самой решать, нужно ли ей иметь ребенка или прервать беременность» [14, л. 281]. Как следствие, татарское население в Поволжье в отличие от других национальных общностей, стабильно увеличивалось на протяжении всего исследуемого периода. Среди татар рождаемость была в 1,4 раза выше, чем среди русских [3, с. 507]. Средняя величина татарской семьи Поволжья в период 1950–1980-х гг. составляла 3,7–4 чел., «значительно отличаясь по величине от семей коренных народов Средней Азии (средний размер 5,7–6,6 чел.) и несколь-

ко превышая семью народов западноевропейской части бывшего СССР (3–3,3 чел.)» [15, с. 288–321].

Мусульманские семьи сравнительно стабильны. Так, уровень разводов в Татарстане в среднем был в 1,5–2 раза ниже, чем в среднем в Российской Федерации, Украине, Прибалтике. «В наибольшей степени традиционные установки на недопустимость разводов были присущи представителям старшего поколения. Фактором, скрепляющим семейно-брачные отношения, является и тесная родственная связь» [3, с. 339]. Несмотря на предписания ислама и в отличие от других мусульманских народов СССР, ранние браки не были характерны для мусульман Поволжского региона. Более того, татары в целом вступали в брак позже остальных и народов Поволжья [16, с. 122]. Татары Поволжья однозначно поддерживали моногамный брак в соответствии с советским законодательством.

Советская власть активно выступала за уничтожение национальных различий, поскольку провозглашалась цель – создание единого советского народа. Одним из направлений данной политики было одобрение смешанных браков. До 1970-х гг. в Поволжье, особенно в Татарстане, количество смешанных браков неуклонно повышалось, что было обусловлено усилением урбанизационных процессов, затем их число снизилось. В 1980–1990-х гг. в республике 25–30% браков были межэтническими, из них около 60% между русскими и татарами, что объясняется значительной близостью этих народов, равенством социального положения и т.д. [17, с. 6]. Следует отметить, что основная масса татар Поволжья, будучи в достаточной степени ассимилированной, довольно комфортно чувствовала себя в русскоязычной среде.

Исламская религия выполняла регулятивно-поведенческую функцию, что по-своему примитивно понимало верующее население и выступало за активное приобщение к вере молодежи. Сами мусульмане говорили: «...мы все ходим в мечеть, и наши дети будут ходить в мечеть. Мы без религии не можем. Она помогает людям, приучает их к дисциплине и порядку. Вот... начнется «рамазан», и все мужчины бросят курить и пить водку. Разве это плохо?» [10, л. 409]. В семье с рождения исподволь или активно внедрялось в сознание молодежи, что исламская религия является носителем общечеловеческих норм нравственности, гуманизма, личной морали, напротив, отрицание Аллаха ведет к аморальному поведению и безнравственности.

Мусульмане считают ислам наиболее «демократичной» религией, поскольку в отличие от христианства, иудаизма и буддизма у последователей ислама нет так называемого штатного духовенства, отсутствует церковь как таковая с ее жесткой иерархией и четкой структурированностью. Считается, что мусульманские общины действуют самостоятельно. Мусульмане вправе молиться не обязательно в мечетях, могут

«обращаться» к Аллаху напрямую, без посредников – духовенства. «Если все мусульмане – «рабы Аллаха», то священнослужители должны быть еще и самыми ревнивыми «слугами Аллаха». Но ни по чьей-то воле или назначению, а только по «велеанию сердца» и «зову души» [18, с. 35]. Российская умма является, вероятно, единственной частью мусульманского мира, в которой не реализован утвержденный Кораном институт исламского самоуправления – шура (совет мусульман). Отсутствие шуры, по мнению Г. Джемалы, «есть следствие исторического периода, называемого «советским» – семидесятилетия жизни в стране Советов» [19, с. 67–68].

Мусульманское духовенство в своей религиозной деятельности вынуждено было считаться с тем обстоятельством, что СССР являлся страной массового атеизма, что далеко не все население, в силу разных причин, составляли верующие. Все это стимулировало поиск новых методов и форм религиозной пропаганды и обуславливало снижение уровня требований к верующим в плане соблюдения религиозных обрядов и традиций. Для сохранения своих позиций служители исламского культа старались облегчить исполнение религиозных ритуалов, изменить и упростить религиозную практику и т.д.

Безусловно, модернизируя вероучение и культ ислама, мусульманское духовенство стремилось не выходить за рамки исламского вероучения. Но по многим проблемам, например, в отношении к частной собственности, социальному неравенству, положению женщины и т.д., служители культа переходили на более рациональные и реалистические позиции. Социальные проблемы жизни советского общества – труд, образование, национальные и семейно-бытовые отношения и иное, постоянно находились в поле зрения исламского духовенства. После войны в выступлениях служителей мусульманского культа начали звучать такие категории, как «социальный прогресс», «социальные законы», «закономерности развития природы и общества» и т.д. Заместитель председателя Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири Ф. Рахман в своем докладе на конференции мусульман СССР (август 1974 г., Самарканд) сказал, что преклоняется перед пророком Мухаммедом, предсказавшим общественные законы и правила социалистического общества [20, с. 22].

Начиная с 1950-х гг. мусульманское духовенство СССР в целом и особенно Поволжья, пытаясь «модернизировать свое религиозное учение и вопреки ранее принятым обычаям, открыто стало привлекать женщин-татарок в мечети» [21, л. 132]. Мухтасиб Я.С. Юсупов (Пенза) поощрял посещение женщинами мечетей, считая, что запрещение Корана в данном отношении устарело, поскольку именно через семью, через женщину идет воспитание с детства религиозного убеждения в ребенке. Мулл, которые уклонялись

от привлечения женщин в мечети, он называл «твердолобыми». Во многих поволжских мечетях были оборудованы специальные комнаты для моления женщин. Один из представителей мусульманского духовенства в беседе с уполномоченным совета по делам религиозных культов по Пензенской области заявил: «Женщина является другом мужчины. Она заботится о его здоровье, создает уют, воспитывает детей. Мы не можем оставить ее без нашего влияния. Раньше женщину просто незаслуженно обижали тем, что запрещали ей ходить в мечеть» [21, л. 85, 131].

Главными проблемами мусульманского духовенства были преклонный возраст имамов, отсутствие мулл в некоторых селах, недостаточный уровень их образования. В 1968 г. скончался куйбышевский имам И. Ганеев, в 1974 г. в Пензенской области умерли 4 имама. Местные мусульманские общины с большим трудом сумели найти новых мулл. В связи с преклонным возрастом мусульманского духовенства многие из мулл даже не выступали с религиозными проповедями, ограничиваясь поздравлениями верующих с праздниками и высказыванием пожеланий благополучия и мира. Мулла в селе пользовался непрекращаемым авторитетом. Некоторые имамы принимали активное участие в общественной жизни своих населенных пунктов – в хлебозаготовках, распространении государственных займов, повышении производительности труда и т.п.

Служители мусульманского культа осознавали, что без преемственности поколений нет будущего ни у одной мировоззренческой системы, в связи с чем мусульманское духовенство активнее начало уделять внимание приобщению к вере в Аллаха детей, подростков, юношей. «Работа в данном направлении облегчалась сохранением в ментальности населения привычки следовать вековым народным традициям» [22, с. 174]. С конца 1940-х гг. со стороны отдельных представителей мусульманского духовенства Поволжского региона отмечалось стремление к организации специального преподавания ислама в мечетях для подрастающего поколения. Данная практика вскоре дала свои результаты: в августе 1961 г. бывшие учащиеся Средне-Елзюанской средней школы (Пензенская область) А. Бибарсов и Я. Дебердеев подали заявления о принятии их на учебу в Бухарское духовное училище [23, л. 173].

Священнослужители мусульманского культа стремились использовать любые возможности для расширения своего влияния. Неупорядоченность похоронного дела приводила к тому, что фактически все похороны умерших совершались по религиозным обрядам, а муллы превращали кладбища в своеобразные места пропаганды веры [13, л. 321].

Мусульманские священнослужители сознательно привлекали в состав актива общин людей, пользующихся уважением у местного населения, – бывших

председателей сельских советов, руководителей колхозов и т.д. «Все это укрепляло популярность мечети среди населения, позволяло церковникам в разговорах утрировать эти случаи, заявляя, что «как ни живи, а под старость мечети не обойдешь»; они тоже, будучи молодыми, не верили в бога, были активисты, а пришла старость, пришли в мечеть молиться богу», – сообщал один из уполномоченных Поволжья [10, л. 415].

Л.Р. Сюкияйнен верно заметил, что «одним из сильнейших факторов, негативно повлиявших на развитие мусульманской культуры в России, искажение и даже утрату многих ее элементов, была десятилетиями проводившаяся государственная политика агрессивного атеизма, последствием которой стали отсталость религиозных институтов и сравнительно низкий уровень знаний самих мусульман» [24, с. 54].

Для осуществления контактов между государством и религиозными объединениями, контроля за применением и исполнением советскими органами и религиозными организациями законодательства о культах в 1943 г. был создан Совет по делам Русской православной церкви (РПЦ), в 1944 г. – Совет по делам религиозных культов (затем – Совет по делам религий) при Совете Министров СССР, который был представлен в союзных и автономных республиках, краях и областях своими уполномоченными. Однако осознание значимости политического контроля за деятельностью религиозных формирований не только в теоретическом направлении, но и прикладном, у органов власти на местах появилось далеко не сразу. В 1945 г. уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Пензенской области С.Д. Горбачев в своем информационном отчете в столицу докладывал: «Работать приходится в условиях крайне неудовлетворительных, а именно: нет отдельного для работы помещения, нет даже своего рабочего места. Вместе с Уполномоченным Совета по делам Русской православной церкви работаем за одним столом общей канцелярии облисполкома, имеем на двоих один железный ящик для хранения документов. Принимать верующих и духовенство приходится так, что во время приема Уполномоченным Совета по делам Русской православной церкви, мне, как сидящему рядом за одним столом, приходится отходить на почтительное расстояние...» [5, л. 6]. Хотя власти неоднократно принимали решения о выделении помещений, ни одно из них не было выполнено. Характерно, что столь пренебрежительное отношение руководства облисполкома к уполномоченному Совету расценивалось самим духовенством как «ущемление их законно-правового положения» [5, л. 6-об].

С начала 1960-х гг. в связи с активизацией антицерковной политики уполномоченные Совета по делам религий в Поволжье «начали поддерживать тесный контакт с партийно-советскими организациями об-

ласти» и усиленно информировать их о деятельности мусульманских и не только религиозных общин региона. С этого времени сложилась постоянная практика выступлений уполномоченных перед партийно-советским активом на областных совещаниях ответственных партийных и советских работников «с целью разъяснения... законов и постановлений советского правительства о деятельности религиозных объединений» и т.д. [5, л. 6].

С середины 1950-х гг. советские власти стали предпринимать активные меры для снижения уровня религиозности мусульман – «создавать и вовлекать все большее количество молодежи в культурно-просветительские кружки, проводить беседы с нарушителями трудовой дисциплины в дни религиозных праздников, отвлекать от соблюдения религиозных праздников, ослаблять деятельность актива верующих и духовенства» и т.д. [25, л. 8–12]. Однако на местах, в частности в Поволжье, атеистическая работа, одним из направлений которой являлась массово-разъяснительная и пропагандистская деятельность, оставляла желать лучшего. Общая оценка состояния мусульманской религиозности в Пензенской области уполномоченным совета С.С. Поповым была выставлена весьма объективно: «В целях обеспечения более быстрого отхода татарского населения от религии настоятельно необходимо серьезно улучшить атеистическую работу в татарских селах. Эта работа на местах проводится еще недостаточно. В клубах, библиотеках татарских сел недостает атеистической литературы и наглядной агитации против мусульманства. Наличие густой сети действующих мечетей в области укрепляет позиции религиозников и осложняет проведение атеистической работы среди татарского населения» [12, л. 23]. Аналогично складывалась ситуация и в других регионах Поволжья.

В соответствии с программными установками о необходимости систематического ведения научно-атеистической пропаганды атеистическое воспитание трудящихся было выделено в самостоятельный участок идеологической работы, руководство которым поручили наиболее опытным партийным работникам. В регионах при обкомах и райкомах партии были созданы советы по научно-атеистической пропаганде, координирующие работу партийных организаций и идеологических учреждений. Такие же советы были сформированы в крупных партийных организациях, а в менее крупных появились организаторы атеистической работы. Местные власти и уполномоченные совета отдавали себе отчет в том, что атеистическая работа наиболее убедительна и эффективна в том случае, если ею занимаются местные жители коренной татарской национальности. Однако, хотя местные активисты и соглашались участвовать в «разоблачении и развенчании пережитков» ислама в силу необходимости (из-за партийной принадлежности,

например), то, как правило, делали это формально, опасаясь вызвать осуждение со стороны односельчан и особенно родственников. Поэтому одна из основных проблем, с которой сталкивались советские власти Пензенской области при проведении атеистической работы среди татарского населения, – «нехватка лекторов, способных читать атеистические лекции по мусульманству, особенно владеющих национальным языком» [26, л. 135]. Усилия областных советских органов Поволжья, направленные на совершенствование кадров, задействованных в атеистической работе на селе, принесли определенные результаты. Качество проведения лекций со временем улучшилось, их содержание приобретало более предметный характер (например «Реакционная сущность мусульманской религии», «Как мусульманская религия унижает человека» и т.д.).

Особое внимание власти обращали на подготовку организаторов атеистической работы на местах, пропагандистов научного атеизма и т.д. В университетах марксизма-ленинизма были сформированы факультеты научного атеизма (или отделения научного атеизма на пропагандистских факультетах), а при горкомах и райкомах партии – школы и семинары организаторов атеистической работы. Во многих городах Поволжья появились дома и кабинеты атеизма [8, л. 2].

По прямому указанию КПСС существенно раздвинуло прежние рамки научно-атеистической пропаганды Всесоюзное общество «Знание», члены которого постоянно проводили лекции по атеистической тематике, вечера вопросов и ответов и т.д. В районных библиотеках оформлялись уголки атеизма, выставки литературы по атеизму, составлялись рекомендательные списки литературы и пр. В некоторых случаях с верующими проводилась индивидуальная работа. На местах стало нормой наличие районных советов по атеизму для руководства работой по атеистическому воспитанию населения, в которые входили партийные, советские, комсомольские работники [27, л. 50]. В 1976 г. ЦК ВЛКСМ совместно с правлением общества «Знание» провел в Пензе Всероссийский семинар по вопросам атеистического воспитания молодежи [28, л. 141].

Одним из ключевых моментов научно-атеистической пропаганды была признана работа по замене религиозных обычаев и традиций новыми советскими праздниками и ритуалами, о чем в 1962 г. на Всесоюзной конференции было принято специальное решение. Бюро ЦК КПСС по РСФСР 25 августа 1962 г. своим постановлением одобрило и разослало для исполнения на места в партийные органы записку председателя Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР «О некоторых мерах по отвлечению населения от исполнения религиозных обрядов», в котором верно отмечалось, что «исполнение населением ряда областей РСФСР, в особенности молодежью, религиозных

обрядов: «венчаний», «крещений» происходит в ряде случаев не в силу религиозности людей, совершающих эти обряды, а в результате того, что органы ЗАГСa проводят регистрацию браков и рождения детей буднично, без надлежащей торжественности» [29, л. 253]. Бюро ЦК КПСС по РСФСР 18 февраля 1964 г. приняло решение №203 «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов». Соответствующие рекомендации были утверждены и в отношении мусульманского культа.

В Поволжье создавались общественные советы по внедрению в жизнь новых гражданских обрядов, специальные комиссии по проведению безрелигиозных гражданских обрядов и т.п. Большое значение придавалось проведению светских праздников: День животновода, праздник песни и молодежи, праздник серпа и молота и т.д. С конца 1960-х гг. в ряде татарских сел Пензенской области начали активно проводиться гражданские торжественные регистрации новобрачных, и это не встречало заметного осуждения со стороны пожилых мусульман, а напротив, наблюдался все более возраставший интерес. По мнению самих верующих, проведение подобных торжественных церемоний в условиях региона десять лет назад едва ли было возможным [30, л. 44]. Однако практика складывалась таким образом, что система новых традиций социалистической обрядности зачастую не вытесняла религиозные обряды и ритуалы, а выступала красивым зрелищным дополнением.

В обязанности уполномоченных Совета по делам религий (религиозных культов) входило проведение работы по осуществлению контроля за соблюдением законов о культурах, основные направления которой «не только не допускать незаконной деятельности церковников, но и исключить возможные случаи неправомерных действий в отношении религиозных общин, духовенства и верующих со стороны отдельных должностных лиц местных организаций и тем самым обеспечить предоставленное законом гражданам право на свободное отправление религиозных обрядов» [31, л. 50]. Контроль за соблюдением советского законодательства о религиозных культурах осуществлялся главным образом «через председателей и секретарей райисполкомов; через беседы с посетителями – верующими, служителями культов, приходящими по различным вопросам культов, и путем бесед с представителями советских органов и отдельными верующими во время выездов на места» [5, л. 389].

На конец 1940 – начало 1950-х гг. приходится «всплеск» закрытия мечетей в Поволжье, что соответствовало общей государственной линии [11, л. 185]. Но уже к середине 1960-х гг. динамика этого процесса снизилась. В соответствии с указаниями Совета закрытие некоторых мечетей было отменено «как необоснованные, преждевременно начавшие

осуществляться мероприятия» [31, л. 46]. Обобщая и анализируя опыт по закрытию мечетей, уполномоченный Совета по Пензенской области делал разумные выводы: «Осуществление этих мероприятий, безусловно, должно проводиться продуманно, без какой-либо поспешности и административного нажима и должно повлечь за собой не просто формальное закрытие молитвенного здания, а фактическую ликвидацию религиозной общины и полное прекращение ее деятельности» [32, л. 37].

В 1961 г. Совет Министров СССР принял закрытое постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культурах». При районных, поселковых, сельских местных органах власти создавались специальные комиссии содействия по наблюдению за выполнением законодательства о культурах. Комиссии обладали достаточно большими полномочиями даже для вмешательства во внутрицерковную жизнь.

В 1968 г. состоялось Ташкентское совещание уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров СССР с участием партийных и советских работников (август 1968 г.), обсудивших вопрос о состоянии мусульманского культа в стране и мерах по усилению контроля за соблюдением законодательства о культурах. Как следствие, на места был разослан секретный документ «Рекомендации Совета по делам религий при Совете Министров СССР по усилению контроля за соблюдением законодательства о культурах религиозными организациями мусульман» [33, л. 27–28]. Уполномоченным Совета по делам религий в регионах и местным советским органам предписывалось «глубже изучать кадры духовенства, их настроения, взгляды, отношение к законам о религии и церкви, быть в курсе всех сторон религиозной деятельности объединений и служителей культа... Пресекать попытки выхода служителей культа за рамки богослужебной деятельности». Особо подчеркивалась необходимость большего внимания изучению мусульманской религиозной пропаганды, тематики и содержания проповедей мулл, их идеологической направленности, характера и методов приспособления ислама к современным условиям в СССР. Уполномоченный Совета на месте должен был «знать деятельность учредителей религиозных объединений, их исполнительных органов, религиозного актива, принимать в установленном порядке меры к отводу из исполнительных органов мечетей фанатиков, хапуг и экстремистских элементов; регулярно анализировать состояние религиозной обрядности, следить за правильностью учета обрядов, вскрывая причины их распространенности». На совещании отмечался рост доходов мечетей, в связи с чем предлагалось изучить причины данного процесса и «принять меры к недопущению повторного сбора пожертвований и попыток духовенства устанавливать суммы взносов с верующих и членов их семей». На местах требовалось «в ближайшее

время обеспечить отстранение всех мулл от финансово-хозяйственной деятельности религиозных объединений и перевод служителей культа на твердые оклады в целях снижения их заинтересованности в увеличении обрядности». Уполномоченных Совета обязывали не допускать вмешательства духовных управлений в финансово-хозяйственные дела мечетей. В отдельное направление работы уполномоченных на местах выделялась деятельность по пресечению благотворительности духовенства и мусульманских религиозных объединений [33, л. 26–42].

С конца 1950-х – начала 1960-х гг. советские власти стали осуществлять мероприятия «по подрыву экономики церквей». Рост доходов религиозных объединений вызывал серьезную обеспокоенность у светского руководства. И. Бончковский, заместитель заведующего отделом по делам мусульманской и буддийской религий Совета по делам религий при Совете Министров СССР, указывал следующие причины данного явления: «сокращение сети религиозных объединений, часто при том же числе верующих, а отсюда – лучше учет и меньше людей, которые имеют доступ к кассе; активизация в ряде мест деятельности духовенства, призывающего верующих к максимальной поддержке церкви, а на это, как правило, редко обращается внимание на местах; урбанизация – переезд населения в крупные населенные пункты, места действующих церквей, где «есть куда заплатить»; постоянное улучшение сообщений между населенными пунктами; и, наконец, рост материального благосостояния и улучшение условий жизни населения: можно, во-первых, «больше дать» и, во-вторых, «за большее возблагодарить господ» [27, л. 62]. Конечно же, данные соображения далеко не бесспорны, однако определенная доля здравого смысла в них присутствует.

Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР своим письмом №12/с от 5 сентября 1962 г. информировал уполномоченных Поволжья о создании Отдела международных связей мусульманских организаций СССР. По рекомендации Совета советские религиозные исламские организации призваны были активизировать свою внешнеполитическую деятельность в интересах социалистического государства. В связи с этим Совет «просил дать необходимые рекомендации мусульманским объединениям и мечетям об отчислении денег для финансирования Отдела международных связей» [21, л. 53]. Однако должной активности местные организации верующих не проявили.

По настоятельным «рекомендациям» сверху со стороны уполномоченных на местах принимались активные меры по направлению церковных средств на общественно-полезные нужды – в Фонд мира и Фонд охраны памятников. Идеологическим обоснованием для сотрудничества обеих сторон в плане направления

средств в Фонд мира являлось утверждение самих же церковников, что конфессии – миротворческие по своей сути и объединяются во имя мира. По мнению уполномоченного Совета по Пензенской области С.С. Попова, «поступление... денежных средств в «Фонд мира» помимо экономической выгоды для государства имело немаловажное и политическое значение, так как в другом случае эти средства могли бы быть использованы на укрепление религиозных организаций» [34, л. 177–178]. Подчеркивалась недопустимость использования религиозными обществами данного повода как предлога для дополнительных поборов. В 1958 г. Совет по делам религиозных культов вынужден был разослать на места специальное разъяснение (№4-83 от 26 июня 1958 г.) по данному поводу: «...добровольные пожертвования верующих могут собираться религиозными организациями только на цели, связанные с содержанием молитвенных зданий, культового имущества, наймом служителей культа и содержанием исполнительных органов. Сборы пожертвований верующих на какие-либо другие цели могут производиться лишь в особых случаях, получая на это специальное разрешение. Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР не рекомендует религиозным организациям проводить среди верующих сбор пожертвований в «Фонд мира». Религиозные объединения и духовенство могут, если они пожелают, вносить в «Фонд мира» имеющиеся у них наличные денежные средства, не проводя специального сбора средств на эти цели» [28, л. 122].

До 1961 г. взносы мусульманских религиозных объединений в Фонд мира были эпизодическими и незначительными. Начиная с 1960-х гг. мусульманское духовенство, как и православное, стало систематически участвовать в сборе пожертвований. Но данная «положительная и совершенно добровольная инициатива» религиозных общин Поволжья не находила у государственных и партийных органов какой-либо серьезной поддержки. В свою очередь, представители власти обращали внимание, что «вся эта работа... должна проводиться с определенным тактом, без применения каких-либо мер принуждения. Нельзя также допускать, чтобы религиозные общества использовали такие взносы в качестве предлога для проведения каких-либо дополнительных сборов средств среди верующих» [28, л. 124]. С начала 1970-х гг. государство начинает уделять серьезное внимание поступлениям церковных взносов в Фонд восстановления памятников истории и культуры.

С конца 1960-х гг. уполномоченные Совета на местах стали получать конкретные указания Совета, направленные на ужесточение надзора за деятельностью религиозных организаций и служителей культа, призванные обеспечить повседневное взаимодействие с партийными и советскими органами; выявлять нарушения законодательства о религиозных культах; про-

пагандировать и разъяснять действующие положения данного законодательства [35, л. 192].

Особо актуализировалась потребность в усилении контактов с научными учреждениями и учеными при проведении социологических исследований степени и характера религиозности населения. Как следствие, в 1969 г. в Пензе состоялась областная научно-практическая конференция, подготовленная обкомом КПСС совместно с Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС «Атеизм и духовный мир человека» по материалам проведенного в 1968 г. комплексного социологического обследования населения области по теме «Процесс секуляризации в условиях социализма». На конференции подчеркивалось, что снижение религиозности масс является сложным и неоднозначным процессом [36, л. 32–35]. В 1972–1973 гг. в Пензенской области были проведены очередные социологические исследования религиозности населения. Результаты данных социологических исследований были фактически идентичны – среди татарского взрослого населения верующим был каждый второй (48,4%) [8, л. 110].

Поскольку с 1962 г. власти установили в православных церквях контроль за венчаниями, крещениями и отпеваниями, все участники в обязательном порядке регистрировались в специальных журналах, а затем информация поступала «по инстанциям» с дальнейшими последствиями. Исполнительным органам мусульманских мечетей также было рекомендовано вести учет граждан, совершающих обряды [8, л. 117]. Ситуация для уполномоченных Поволжья осложнялась тем, что религиозные обряды совершались не только над жителями конкретной области, но и приезжавшими специально для этого из соседних регионов. Исходя из данного положения «были приняты меры по налаживанию регулярного взаимного межрайонного и межобластного обмена сведениями о гражданах, совершающих упомянутые религиозные обряды». Такие сведения систематически высылают друг другу уполномоченные Совета Саратовской, Ульяновской, Тамбовской, Пензенской областей и т.д. [10, л. 329].

По мере складывания определенной стабильной позиции советского государства по отношению к религии в 1960–1980-х гг., отхода от «атак» на религию, нарушения законодательства о культах все более перемещались на места – в регионы, чему способствовали «низкий уровень образования членов церковных советов; незнание законодательства о культах государственными чиновниками; бессистемность, формализованность атеистической работы и т.п.» [8, л. 94]. Существование религии при социализме, и это вынуждена была признать и принять советская власть, все же историческая неизбежность.

Во второй половине 1980-х гг. наблюдается значительный всплеск религиозности в стране, обуслов-

ленный прежде всего кризисом российского общества – социальным, экономическим, политическим и моральным. Кроме того, определенную роль в данном явлении сыграли дискредитация и ломка господствовавших в обществе социалистических идеалов и ценностей. Изменение вектора культурных и моральных ориентиров в массовом сознании населения способствовали переоценке роли и места религии в обществе, позиционируя ее в первую очередь как феномен мировой и национальной культуры, как нравственную опору общества. Серьезное значение имело и крушение системы атеистического воспитания. Р. Гайнутдин, председатель Духовного управления мусульман центральной и европейской частей России, справедливо отмечал, что «главное достижение демократических преобразований в России для нас, мусульман, выражается, безусловно, в нашей духовной свободе, в том, что мы можем открыто чувствовать, проявлять свою принадлежность к исламу, гордиться принадлежностью к исламу, мусульманской культуре, мусульманскому миру» [37, с. 5]. Однако процесс деидеологизации в стране шел очень неровно, у советского руководства не было четкой программы и вообще понимания механизма демократизации страны. Так, на XXVII съезде КПСС была принята новая редакция программы коммунистической партии, в которой подчеркивалась необходимость и значимость распространения научно-материалистического миропонимания, преодоления религиозных предрассудков. Согласно Уставу КПСС, каждый коммунист должен был решительно бороться с религиозными предрассудками как с «чуждыми социалистическому образу жизни» [38, с. 165, 190]. В 1988 г. ЦК партии поручил соответствующим партийным и государственным органам подготовить «Долговременную программу научно-атеистического воспитания населения СССР» [39, с. 112]. В докладе В. Мироненко «Отчет ЦК ВЛКСМ и задачи комсомола по дальнейшему усилению коммунистического воспитания молодежи в свете установок XXVII съезда КПСС» на XX съезде ВЛКСМ (апрель 1987 г.) звучало: «Сегодня необходимо вернуться на наступательные позиции в противоборстве с религиозным мировоззрением. Сегодня, как никогда, важно преодолеть обывательско-нейтральное отношение к религии, снобистское модничанье мистикой, равно как и безразличие к атеизму – духовной ценности социализма...» [40, с. 4]. Не ограничиваясь призывами общего характера, власти проявляли активную деятельность и в отношении каждой конфессии на территории СССР, в том числе и ислама. В 1986 г. на заседаниях Секретариата и Политбюро ЦК КПСС рассматривался вопрос «Об усилении борьбы с влиянием ислама», обсуждалась религиозная ситуация в Чечено-Ингушской АССР, Узбекистане.

Начало 1990-х гг. знаменует собой возрождение ислама в России, что означало принципиально новое

осознание своего места и роли российских мусульман в государстве и мировой исламской цивилизации, преодоление «совдеповского» комплекса «младшего брата». Исламский «ренессанс» означал рост религиозного самосознания, позиционирование себя татарами не только этнической группой, но и составляющей исламской цивилизации; распро-

странение исламских религиозных обрядов; значительный рост количества мечетей; оформление системы мусульманского образования и просвещения; воссоздание исламской духовной элиты; восстановление связей с зарубежными единоверцами в связи с ликвидацией «железного занавеса»; определенная политизация ислама.

Библиографический список

1. Боронбеков, С. Основные ценности ислама – объекты охраны шариата / С. Боронбеков // Государство и право. – 2003. – №2.
2. Ланда, Р.Г. Ислам в истории: Многовековой союз и взаимопроникновение двух мировых культур / Р.Г. Ланда // Россия и мусульманский мир. – № 6. – М., 2001.
3. Татары. – М., 2001.
4. Ислам в татарском мире: История и современность : матер. межд. симпозиум. Казань, 29 апреля – 1 мая 1996 г. – Казань, 1997.
5. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). – Ф. 2392. – Оп. 1. – Д. 1.
6. ГАПО. – Ф. 2392. – Оп. 1. – Д. 97.
7. ГАПО. – Ф. 2392. – Оп. 1. – Д. 5.
8. ГАПО. – Ф. 148. – Оп. 1. – Д. 4617.
9. Мавлютов, Р.Р. Ислам / Р.Р. Мавлютов. – М., 1969.
10. ГАПО. – Ф. 2392. – Оп. 1. – Д. 49.
11. ГАПО. – Ф. 2392. – Оп. 1. – Д. 18.
12. ГАПО. – Ф. 148. – Оп. 1. – Д. 4714.
13. ГАПО. – Ф. 2392. – Оп. 1. – Д. 77.
14. ГАПО. – Ф. 2392. – Оп. 1. – Д. 46.
15. Численность и состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи 1979 г. – М., 1984.
16. Козлов, В.И. Динамика численности населения / В.И. Козлов. – М., 1969.
17. Столярова, Г.Р. Этническая ситуация в Республике Татарстан / Г.Р. Столярова. – М., 1994.
18. Медведко, Л.И. Именем Аллаха... Политизация ислама и исламизация политики / Л.И. Медведко, А.В. Германович. – М., 1988.
19. Джемаль, Г. Шура (Исламский совет) как инструмент единства уммы // Джемаль Г. Освобождение ислама / Г. Джемаль. – М., 2004.
20. Мусульмане Советского Востока. – 1974. – №4.
21. ГАПО. – Ф. 2391. – Оп. 1. – Д. 5.
22. Давыдов, С.Г. Неформальное движение советской молодежи: от Сталина до Горбачева / С.Г. Давыдов. – М., 2001.
23. ГАПО. – Ф. 2392. – Оп. 1. – Д. 2.
24. Сюкияйнен, Л.Р. Шариат, адат и российское законодательство / Л.Р. Сюкияйнен // Мусульмане изменяющейся России. – М., 2002.
25. ГАПО. – Ф. 148. – Оп. 15. – Д. 71.
26. ГАПО. – Ф. 2392. – Оп. 1. – Д. 5.
27. ГАПО. – Ф. 148. – Оп. 1. – Д. 5235.
28. ГАПО. – Ф. 2392. – Оп. 1. – Д. 66.
29. ГАПО. – Ф. 2392. – Оп. 1. – Д. 37.
30. ГАПО. – Ф. 148. – Оп. 1. – Д. 4681.
31. ГАПО. – Ф. 2392. – Оп. 1. – Д. 41.
32. ГАПО. – Ф. 2392. – Оп. 1. – Д. 16.
33. ГАПО. – Ф. 2392. – Оп. 1. – Д. 87.
34. ГАПО. – Ф. 2392. – Оп. 1. – Д. 28.
35. ГАПО. – Ф. 2392. – Оп. 1. – Д. 70.
36. ГАПО. – Ф. 37. – Оп. 22. – Д. 3.
37. Гайнутдин, Р. Российская Федерация – это ее народы, исповедующие разные религии / Р. Гайнутдин // Россия и мусульманский мир. – 1997. – №3.
38. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. – М., 1986.
39. Набиев, Р.А. Ислам и государство. Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на европейском Востоке / Р.А. Набиев. – Казань, 2002.
40. Комсомольская правда. – 1987. – 16 апр.